

БЕЛОРУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА

А. Н. Искан

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Республика Беларусь

E-mail: iskam_an@mail.ru

Статья посвящена белорусским фразеологическим заимствованиям из украинского языка. Описываются особенности заимствования фразеологических единиц. Предложены некоторые уточнения к уже известной этимологии белорусских фразеологических заимствований из украинского языка.

Ключевые слова: фразеологизм; заимствование; заимствованный оборот; этимология.

Как известно, словарный состав любого языка реагирует на все важные изменения, происходящие в различных сферах жизни общества. И процесс заимствования не ограничивается лишь лексикой, он затрагивает и фразеологию.

Заимствованным называют фразеологизм, который в качестве готовой воспроизводимой языковой единицы пришел в белорусский язык «извне и употребляется в нем в том виде, в котором он известен или был известен в языке-источнике... Это иноязычный по происхождению фразеологизм, употребляющийся без перевода» [8, с. 135].

В «Этымалагічным слоўніку фразеалагізмаў» И.Я. Лепешева [6] (далее ЭСФ) среди описанных здесь 1750 фразеологизмов только 145 единиц имеют помету о заимствовании из того или иного языка. Это, конечно, не значит, что в белорусском литературном языке, имеющем около 7000 фразеологических единиц, лишь такое количество заимствованных оборотов. Их, безусловно, значительно больше. Автор этого справочного издания, исследуя происхождение фразеологизмов и давая им этимологическую справку, историко-лингвистическое объяснение их возникновения, только те описанные им обороты, которые были заимствованы из других языков, сопровождал соответствующей пометой как общей характеристикой фразеологизма по его происхождению.

Анализируя заимствованные обороты, поданные в ЭСФ, замечаем, что фразеологизмы, в отличие от заимствованных слов, заимствуются почти во всех случаях «только из родственных языков и используются без изменений, с той же, что и в языке-источнике, грамматической структурой и компонентным составом (изменения могут быть несущ-

ществленные, например: укр. *дати гарбуза* – бел. *даць гарбуз*; рус. *без царя в голове* – бел. *без цара ў галаве*). Заимствованные фразеологизмы чаще всего прочно усваиваются носителями языка и не воспринимаются как иностранные» [5, с. 35]. В качестве исключений можно привести несколько оборотов, заимствованных из церковнославянского языка и имеющих архаические слова или формы в их составе: (аддзяляць) *авец ад козлішч, кесарава кесараві, на кругі свая, перакаваць мячы на аралы, прытча ва языцах, цямна вада ва облацэх*.

По материалам ЭСФ видим, что в белорусском языке имеются заимствования из церковнославянского (30), русского (95), польского (10) и украинского (6). Совсем немного заимствований из латинского (3), французского (1).

В книге В. Иванишина и Я. Радевича-Винницкого «Мова і нація» [3, с. 103] справедливо говорится о самом близком родстве между нашими языками: «Найближчою до української мови из східнослов'янських мов є білоруська». После того как в битве на Синей Воде (1362) войска Великого Княжества Литовского разгромили татар и освободили Русь (Украину) от татарской неволи, почти вся Русь вошла в ВКЛ и государство стало называться «Великое Княжество Литовское и Русское» [4, с. 81]. Языковые контакты между белорусами и украинцами имеют многовековую историю.

В ЭСФ описано более 50 фразеологизмов, употребляющихся только в белорусском и украинском языках и неизвестных в других языках. Например, в разговорной речи второе название луны, ночного светила – *цыганскае сонца*. «Выражение отображает давнишний быт цыган, которые ночевали в шатрах или под открытым небом, переезжали на новое место, особенно в горячую летнюю пору, при свете луны и для которых «ноч – матка: усё гладка» (намек на кражу лошадей)» [6, с. 403]. Между прочим, это выражение, по-видимому, еще не забыто жителями западных районов Смоленщины, откуда родом А. Твардовский. Он употребил его в поэме «Страна Муравия»: *И цыганское встает солнце над землею*. Отвечая на вопрос болгарского переводчика этой поэмы А. Германова «Что такое *цыганское солнце?*», этот поясняет: «Цыганское солнце – луна» [7, с. 56].

Помету о заимствовании из украинского языка имеют в ЭСФ только 6 фразеологизмов. Некоторые из них поданы с подробным, убедительным доказательством того, что они возникли именно в Украине. Вот, например, как объяснено происхождение оборота *збіваць (збіць) з панталыку* (каго), употребляющегося в значениях 'запутывать, вызывать замешательство, смятение' и 'воздействуя каким-л. образом, склонять к отходу от прежнего, толкать на что-то не-

хорошее': «Формирование выражения имеет связь с названием горы в южной Греции – *Пентелик*. В древние времена гора славилась своим мрамором, а также большой пещерой с гротом и известковыми наростами, где легко было заблудиться, запутаться. Фразеологизм сложился, скорее всего, в речи гимназистов. Усвоенное ими при изучении греческого языка слово *Пентелик* получило смысловое приращение и было включено в фразеологическую формулу готовой модели *збіваць з толку* (каго). О том, что выражения *збіваць з панталыку*, *збівацца з панталыку*, известные в белорусском, русском и польском языках, возникли в Украине, свидетельствуют следующие факты. Одна из ранних фиксаций фразеологизма *збівацца з панталыку* принадлежит А. Погорельскому. В его романе о жизни провинциального дворянства в Украине «Монастырка» (1830 – 1833) читаем: «– Що ты городышь, Галя! – сказала она мне. – Ты збылась с панталыку». Дальше идет авторский комментарий: «Это по-здешнему, кажется, значит: ты с ума сошла». Выражение неоднократно употребляется в произведениях Т. Шевченко; в пьесе «Назар Стадола» (1843 – 1844): «Дівці дівку недовго збить з пантелику»; в повести «Наймичка» (1844) в авторской речи встречается *сбить с толку*, а в речи старого казака Якима Гирла – *сбили с панталыку*: «Сбили с панталыку окаянные, та й годи». На основе именного компонента этого фразеологизма в украинском литературном языке образовались многие глаголы, причастия, существительные: *пантеличити*, *пантеличитися*, *спантеличений*, *спантеличення*, *спантеличити*, *спантеличувати*, *спантеличиться*. В украинском языке именной компонент (*пантелик*, читается «пантэлык») своим звучанием более близок к греческому *Пентелик*, чем в белорусском, русском, польском языках».

Еще один аргумент в пользу сказанного выше. Самая ранняя фиксация (1794 г.) фразеологизма *збіць з панталыку* принадлежит классику украинской литературы И. Кацубинскому. В первой части его поэмы «Энеида» есть строки, где Юнона просит бога ветров Эола: «Будь ласкав, сватоньку-старыку! Избий Енея з пантелику, тепер плыве на морі він». Заимствованный из украинского языка фразеологизм *збівацца з панталыку* ('доходить до растерянности; запутываться' и 'начинать вести неправильный, порочный образ жизни') образован от описанного выше оборота *збіваць з панталыку* (каго).

Фразеологизм *даваць гарбуз* (каму), что значит 'отказывать тому, кто сватается', возник в результате метонимического переноса, имеет непосредственную связь с обычаем, иногда и теперь имеющем место в Украине: если девушка или ее родители неприязненно относятся к

сватанью, то молодому или свату дают гарбуз (рус. «тыква») как знак несогласия.

Оборот *даць ляшча* (каму) обозначает ‘сильно ударить’. В украинском языке слово *лящ* «употребляется не только в составе фразеологизма *дати ляща* ‘ударить ладонью по лицу’, но и как существительное с самостоятельным лексическим значением ‘пощечина’; первоначально *дати ляща* – ‘дать оплеуху’» [6, с. 115].

Наречно-обстоятельный оборот *з гакам* двузначный: 1) с небольшим превышением (употребляется после числительного при приблизительном вычислении величины, длины, количества чего-л.); 2) больше, чем нужно (иметь, делать, сделать что-л.). Генетически оборот имеет смысловую связь с одним из значений пятизначного в украинском языке существительного *гак* – ‘добавка, излишек’.

В последние два десятилетия в белорусском языке стал активно употребляться заимствованный из украинского языка модальный оборот *так бы мовіць*, который используется параллельно с прежним, синонимическим *так сказать* (‘если можно так выразиться’).

На наш взгляд, фразеологизм *дуба даць*, что значит ‘умереть’, надо считать заимствованным из украинского языка (в ЭСФ он помечен как «общий для восточнославянских языков»). Этот фразеологизм в XIX в. употреблялся только в южных говорах (территория современной Украины). В фразеологических словарях русского языка этот оборот иллюстрируется лишь примерами из произведений советского периода. А относительно происхождения оборота в ЭСФ (с. 123) говорится, что его возникновение можно связывать с давним похоронным обычаем. «Существовало поверье, что пристанищем души после смерти человека становится дерево. При похоронах преимущество отдавали дубу. Дно ямы выкладывалось дубовыми листьями, памятники на могилах делались из дуба. Дубовые памятники наподобие лодки, как писал Н.И. Толстой, «встречаются до этого времени на Западном Полесье и соседней с ним Северной Волинщине», такие памятники “зафиксированы в местностях, где много камня, но они обязательно деревянные, что связано, надо полагать, с культом дерева”» [6, с. 123].

К заимствованиям из украинского языка следует отнести и фразеологизм *нашага палку прыбыло* (говорится при появлении в коллективе человека одинаковых взглядов, убеждений и т.д. и обозначает ‘нас, таких, как мы, стало больше’). В русских справочниках утверждается, что это «исконно русское выражение» (например, «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» [2, с. 459]). В монографии А.С. Аксамитова [1, с. 196] характеризуется как заимствование из русского языка. В ЭСФ (с. 257), хотя этот фразеоло-

гизм и имеет помету «общий для восточнославянских языков», но из приведенной далее этимологической справки нетрудно сделать вывод о его украинском происхождении.

Это изречение пришло из стародавней (времен Киевской Руси) песни-игры «А мы просо сеяли». Парни и девушки становились в два ряда, или, иначе, в два полка (ранее словом *полк* называли не только поход и войсковую единицу, но и гурьбу людей). Когда из одной гурьбы в другую переходили, как того требовали условия игры, парень или девушка, полк, получивший пополнение, пел: «Нашего полку прибыло, прибыло. Ой, дид-ладо, прибыло, прибыло». В стихотворной повести А. Бестужева-Марлинского «Андрей, князь Переяславский», написанной на украинском (малороссийском) материале в начале XIX в., последняя из приведенных песенных строк подана в такой орфографии: «Ой, дид-ладо, прибыло». «Это проливает свет на национально-этимологическую сторону песни. Украинское «дид» – это ‘дед’, а «ладо» – ‘милый’. Отсюда становится понятным, почему слово *полк* в составе изречения *нашего полку прибыло* имеет такое необычное окончание – «-у»: в современном украинском языке слово *полк* в родительном падеже единственного числа употребляется в формах *полку* (с ударением на первом слоге) и *полка*, а литературная норма оборота – *нашего полку прибуло*. Видимо, и в упомянутой песне ударение падало не на второй, а на первый слог именной формы *полку*» [6, с. 257 – 258].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аксамітаў, А.С. Беларуская фразеалогія / А.С. Аксамітаў. – Мінск: Выш. школа, 1976. – 224 с.
2. Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
3. Іванишин, В. Мова і нація / В. Іванишин, Я. Радевич-Винницький. – Дрогобич: Видродження, 1994. – 218 с.
4. Коўш, Г. Высновы Літвіна / Г. Коўш. – Мінск: Квадра, 2009. – 88 с.
5. Лепешаў, І.Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы / І.Я. Лепешаў. – Мінск: Выш. Школа, 1998. – 271 с.
6. Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І.Я. Лепешаў. – Мінск: БелЭН, 2004. – 448 с.
7. Твардовский, А.Т. Собрание сочинений в шести томах. Том шестой: письма / А.Т. Твардовский. – М.: Художественная лит-ра, 1983. – 671 с.
8. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Высш. школа, 1969. – 232 с.

BELARUSIAN PHRASEOLOGICAL BORROWINGS FROM THE UKRAINIAN LANGUAGE

A.N. Iskam

*Yanka Kupala State University of Grodno
Belarus*

E-mail: iskam_an@mail.ru

The article is devoted to Belarusian phraseological borrowings from the Ukrainian language. The peculiarities of borrowing phraseological units are described. Some specification is given to the etymology of phraseological borrowings from the Ukrainian language already described.

Keywords: phraseological unit; borrowing; borrowed construction; etymology.